

Моравская миссія Кирилла і Мефодія: к вопросу о создании письменности у славян

И. В. Вашкевич,

кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники

В IX в. в Европе возникло крупное объединение западных славян – Великая Моравия – со столицей в г. Велеград. В 831 г. моравяне по своему свободному выбору приняли христианство из Баварии по латинскому образцу [1, с. 124].

Принятие христианства способствовало укреплению позиций Великой Моравии на международной арене, а также открыло доступ к освоению культурного наследия христианского мира. Вместе с тем введение христианства поставило моравян в зависимость от Каролингской империи, а с 843 г., после ее раздела, от Восточнофранкского государства. На территории Моравии была создана церковная организация подчиненных баварскому епископату в г. Пассау. Так как собственных носителей церковной власти моравяне не имели, немецкому духовенству принадлежала монополия на толкование христианской догматики и в целом на духовную жизнь страны. До тех пор пока между Моравией и Каролингами существовали мирные взаимоотношения, такое положение устраивало обе стороны.

Однако в период правления короля Людовика Немечского (843–876) Восточнофранкское королевство вступило в борьбу с Великой Моравией [2, с. 54]. Подчинение баварской церкви мешало моравскому князю Ростиславу. Это подтолкнуло моравян к поиску контактов с авторитетной церковной инстанцией в надежде получить от нее тексты, излагающие основы христианского вероучения на понятном для них языке, а также создать самостоятельную церковную организацию.

С целью реализации данных ожиданий в 861 г. Ростислав обратился к Папе Римскому [2, с. 54]. Не дождавись ответа, в 862 г. он отправил прошение в Византию императору Михаилу III. «Житие Константина» (далее – ЖК) так передает просьбу Ростислава: «*Хоть люди наши язычество отвергли и держатся закона христианского, нет у нас такого учителя, чтобы нам на языке нашем изложил правую христианскую веру...*» [3, с. 167]. Вместе с тем другой авторитетный источник – «Житие Мефодия» (далее – ЖМ) – сообщает о том, что христианские учителя проповедовали на территории Моравии и до прибытия миссии из Византии: «*...и пришли к нам учителя многие от итальянцев, и от греков, и от немцев, и учат нас по-разному*» [4, с. 186]. Сопоставление этих текстов позволяет выразить уверенность в желании Ростислава получить не просто проповедников, наставляющих на понятном языке, но и епископа, который бы стал во главе церкви, независимой от франкского духовенства.

Осенью 863 г. византийская делегация во главе с братьями Константином и Мефодием прибыла в Великую Моравию. Известно, что братья родились в Фессалониках, втором по величине городе Византии, в семье друнгария. Оба получили отличное образование и с детства говорили на болгаро-македонском диалекте славянского языка, поскольку им владела часть населения их родного города. Старший брат Мефодий (при рождении, вероятно, Михаил) был военачальником одной из славянских областей империи, а позже принял постриг в монастыре на горе Олимп. Младший Константин уже в детстве продемонстрировал способности к наукам. После завершения учебы он стал священником и получил должность библиотекаря главного собора империи – Софии Константинопольской. Его интеллект и способности были замечены императором Михаилом III, начавшим привлекать его к поездкам религиозного и политического значения [3, с. 143].

«*И цесарь, собрав собор, призвал Константина Философа, дал знать ему об этом деле (т. е. о прибытии делегации от Ростислава. – И. В.) и сказал: “Философ, знаю, что ты утомлен, но подобает тебе туда (в Моравию. – И. В.) идти, ибо дела этого никто совершить не может, только ты”*» [3, с. 167]. Так описывает ЖК поручение византийского императора создать письмо для славян. Никто из современных исследователей не сомневается в том, что работа над созданием алфавита для славян была начата задолго до прибытия моравской делегации, а сама идея создания славянской азбуки обдумывалась и воплощалась Византией длительное время. Косвенное подтверждение этому можно найти в ЖК.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 13.07.2012.

На вопрос Константина императору о том, есть ли у моравян славянские буквы, Михаил III ответил: «Дед мой, и отец мой, и иные многие искали их и не обрели...» [3, с. 167]. А в сказании «О письменах» древнеболгарского писателя конца IX – начала X в. черноризца Храбра указывается на стремление самих славян создать для себя письмо [5, с. 197]. Эти опыты, конечно, нельзя было назвать успешными, поскольку они сводились к попыткам транскрипции славянских слов по-гречески и по-латыни, в силу чего не могли передать особенности славянской речи.

В XIX в. историк церкви И. И. Малышевский выдвинул предположение, что именно Константину принадлежала мысль об учительстве для славян на их языке, считая, правда, что речь шла о славянах, живших на территории Византии [6, с. 73]. Сегодня эта версия вызывает серьезные сомнения историков. По мнению Б. Н. Флори, работа над созданием славянской письменности была начата Константином по поручению правительственных кругов [7, с. 32]. Это подтверждают и тесные связи братьев с верхушкой византийского общества, а также то обстоятельство, что для распространения новая азбука нуждалась в санкции со стороны высшей власти империи.

Можно согласиться с тезисом С. А. Иванова о том, что посольство Константина и Мефодия в Моравию в строгом значении византийской миссией назвать нельзя [8, с. 157]. Во-первых, моравяне приняли крещение без участия Византии. Во-вторых, братья до приезда в Моравию не были облечены значимыми церковными чинами, а получив рукоположение в Риме, богослужение осуществляли по римскому образцу. Император Византии не мог назначить епископа на территории, подчинявшейся папской курии. В силу этого поездка братьев не могла носить официальный характер. В-третьих, Византия не только не оказывала братьям помощь в их моравской миссии, но даже не проявляла интерес к их судьбе [9, с. 37].

Последнее обстоятельство стало предметом научных дискуссий, в ходе которых возникло несколько теорий. Так, с точки зрения С. А. Иванова, Моравия не рассматривалась Византией как сфера своего влияния. Поэтому исследователь склонен видеть в поездке солунских братьев частный эпизод истории Византии, а не часть ее масштабного миссионерского проекта [8, с. 159–160]. По мнению Б. Н. Флори и болгарского исследователя И. С. Дуйчева, идея создания письменности у славян, напротив, была одним из проявлений широких политических планов Византии. Речь шла о создании благоприятных условий для христианизации славян, живших на окраинах империи [7, с. 32, 36]. Болгарские историки Д. Ангелов и П. Х. Петров полагают, что создание славянской письменности открывало Византии возможности для крещения соседних славянских государств, что, в свою очередь, поспособствовало бы укреплению политических позиций империи на их территориях [7, с. 32].

Точных данных о том, в каких условиях работали братья в Моравии, нет. Известно, что Ростислав принял византийское посольство «с великой честью». И в ско-

ром времени Константин «перевел весь церковный чин и научил их (т. е. моравян. – И. В.) и утрене, и часам, и обедне, и вечерне, и повечерию, и тайной молитве» [3, с. 168]. Первым было переведено Евангелие апракос – сборник текстов из Евангелия, который можно было использовать во время богослужений круглый год. Кроме того, были переведены Апостол, паремейник, Псалтырь и сами тексты церковных служб [4, с. 193].

С деятельностью солунских братьев связывают также появление «Прогласа» – стихотворения, положившего начало славянской религиозной поэзии, в котором славяне призываются внять слову Божьему на понятном для них языке. Начало философской и богословской терминологии на славянском языке было положено «Натисанием о правой вере» – переводом части трактата патриарха Никифора I «Большой апологетик», в котором излагались основные догмы православного вероучения [7, с. 61–62].

Помимо занятий переводами братья совершали хождения, проповедуя по всей территории Моравии. И славянскую азбуку, и переводческую деятельность они воспринимали как инструмент распространения христианства. За сорок месяцев моравской миссии братья смогли воспитать себе сподвижников, а также освятить две церкви [6, с. 92].

Русский историк Ф. М. Россейкин, анализируя причины успеха дела Константина и Мефодия, указывал на личностные качества братьев. В частности, характеризовал их как людей «высокого идейного призвания, апостольской ревности и безукоризненной моральной чистоты» [10, с. 267]. И, действительно, братья были людьми неординарными. Однако успех их просветительства вряд ли был возможен без поддержки со стороны Ростислава и его окружения. Никакой помощи от Византии не поступало, а немецкое духовенство развернуло открытое противодействие, в своих нападках исходя из того, что «не служит это (дело Константина и Мефодия. – И. В.) прославлению Божьему», поскольку было избрано «лишь три языка, еврейский, греческий и латинский, на которых подобает воздавать хвалу Богу» [3, с. 169]. Однако следует учитывать, что Франкфуртский собор 794 г. разрешал верующим обращаться к Богу на любом языке, а решения ряда соборов первой половины IX в. побуждали священников проповедовать на языке, понятном народу [6, с. 61]. В Моравии баварское духовенство в духе подобных предписаний практиковало проповеди и исповеди на славянском языке. Более того, проповеди сопровождалась переводом текстов некоторых молитв на славянский язык [7, с. 49]. Поэтому можно предположить, что нападки касались не столько богослужения на славянском языке, сколько создания национальной церкви у моравян.

Константин и Мефодий не были уполномочены посвящать кого-либо в священники, поэтому в 867 г. они решили уехать со своими учениками для возведения их в сан. В Венеции был собран синод, на котором рассматривался вопрос о богослужении на славянском языке и рукоположении моравских учеников [3, с. 170]. Однако

взять на себя ответственность и решить данный вопрос Градская патриархия, центром которой была Венеция, не смогла. Венецианская республика признавала патронат Папы Римского и в то же время находилась под некоторым влиянием Византии [6, с. 94]. Обратиться за поддержкой к константинопольскому патриарху солунские братья вряд ли могли, так как между Римом и Константинополем существовал острый конфликт. В 863 г. собор в Риме низложил патриарха Фотия, а собор 867 г. в Константинополе отлучил Папу Римского Николая I от церкви [10, с. 198, 425]. Исходя из того, что Моравия находилась в сфере юрисдикции папы, вмешательство патриарха усилило бы конфликт. В такой ситуации благоприятным исход дела братьев мог быть только в Риме. К тому же из Рима им последовало официальное приглашение.

В ЖК говорится о торжественной встрече, устроенной в Риме: «...вышел сам апостол Климента навстречу ему (Константину. – И. В.) со всеми горожанами, ибо узнали, что несет мощи святого Климента» [3, с. 174]. Обретение мощей папы римского Климента, который, согласно легенде, был замучен и утоплен в конце I века н. э., произошло зимой 860–861 гг. в Херсонесе, где Константин учился «еврейской речи и письму» [3, с. 149]. Обретя мощи Папы, стоявшего у истоков Римской церкви, она могла претендовать на старейшинство по отношению к Константинопольской церкви, созданной в VI в. [9, с. 78].

Папа одобрил славянское письмо, освятил славянский перевод христианских книг, а также посвятил славянских учеников [3, с. 175]. Успех делегации во многом объясняется заинтересованностью Папы в ослаблении провинциальных церквей, находившихся в сфере влияния Римской церкви и образовании самостоятельных епископств, подчиняющихся непосредственно папской курии. Однако из-за серьезного противостояния немецкого духовенства Папа не спешил назначать в Моравию славянского епископа, которым должен был стать Константин. Так и не дождавшись назначения, спустя год после приезда в Рим он заболел и умер. Перед смертью Константин принял монашескую схиму под именем Кирилл [9, с. 82–83].

Дело просвещения славян продолжил Мефодий. Не позднее 870 г. Папой было принято решение о создании архиепископии, охватывавшей Моравию и Паннонию. Во главе ее был поставлен Мефодий. Приняв сан, он уехал в Блатноград (Паннония), где создал церковный книжный центр, в котором велось обучение славянскому письму, богословию, технике изготовления рукописей, церковной службе на славянском языке. Согласно ЖМ за шесть месяцев были переведены «быстро и полностью все книги библейские кроме Маккавеев, с греческого на славянский» [4, с. 193]. В целом за время своего архиепископства Мефодий перевел 60 канонических книг [6, с. 197].

Солунские братья совершили переворот не только в области славянского языка, литературы и богослужения, но и оказали влияние на развитие правовой сферы славянского государства. Свидетельством этого выступают

памятники юридического содержания, автором которых считают Мефодия. В частности, он перевел «Номоканон» – византийский сборник канонического права и собрание императорских эдиктов, касающихся церкви. Мефодий заботился не столько о дословности передачи информации, сколько о понятности моравянам, в связи с чем в тексте находят следы великоморавской юридической терминологии [11, с. 15–16].

Древнейшим памятником в области славянского права является «Закон судный людям» – своеобразный судебный кодекс для мирян. В большей части он является переводом «Эклоги» – византийского свода законов VIII в. Однако карательные санкции, заимствованные из византийского законодательства, в нем дополнены либо заменены церковными наказаниями [11, с. 32]. Появление этого произведения было обусловлено необходимостью регулирования тех норм общественной жизни, которые с принятием христианства заменили собой старые языческие обычаи.

По содержанию и терминологически с «Законом судным людям» связана оригинальная речь Мефодия к князьям и судьям, в которой юридическая тематика тесно переплетается с церковной риторикой [11, с. 22]. Эта речь является требованием выполнять нормы «Закона судного людям», а также выступает его своеобразным комментарием.

Переводы священных книг, а также произведений юридического характера, с одной стороны, отвечали интересам княжеской власти. Получив возможность ознакомления с текстами, ранее доступными только на латыни, светская власть приобретала возможность прямого контроля над деятельностью религиозных лиц. С другой – требования христианской морали и предписаний «Закона судного людям» зачастую оказывались невыполнимыми как для моравских князей, так и для ладино-немецкого духовенства. Это частично объясняет причину конфликта между Мефодием и франкскими священниками, а также отсутствие поддержки ему со стороны моравского князя Святополка, который в 870 г. сменил на княжении Ростислава.

Расширение пределов Великой Моравии в 70-х гг. IX в. влекло за собой разрастание епархии Мефодия, а значит, было ознаменовано усилением его личного авторитета, влияния славянской церкви и славянского богослужения. Правда, есть предположение, что славянское богослужение Мефодием и учениками проводилось лишь по воскресеньям и важнейшим праздникам, что соответствовало предписанию Майнцкого собора 813 г. [12, с. 24].

Активную борьбу против Мефодия развернуло зальцбургское духовенство, интересы которого были затронуты после образования славянской архиепископии, поскольку в церковных делах Паннония подчинялась Зальцбургу. Перемены на моравском престоле также не способствовали успеху дела Мефодия. В итоге собрание баварских епископов заключило Мефодия в тюрьму. И только после восстания моравян, закончившегося изгнанием немецкого духовенства, а также вмешательства

нового Папы Иоанна VIII, в 873 г. Мефодий был восстановлен в своих правах и до смерти оставался моравским архиепископом [2, с. 56]. В 874 г. немецкое духовенство при невыясненных обстоятельствах вернулось в Моравию и вновь заняло непримиримую позицию по отношению к Мефодию. Его положение укрепилось только в 880 г., когда Папа Иоанн VIII официально признал славянскую литургию, с тем, однако, чтобы «*во время мессы сначала читали Евангелие и Апостол по-латыни, а потом по-славянски*» [4, с. 188]. Эта уступка просуществовала недолго. В буле 885 г. новый Папа Стефан V вновь ввел запрет на совершение церковных обрядов и чтение текстов Священного Писания на славянском языке, разрешив на нем лишь проповеди. Более того, на Мефодия посыпались обвинения в неправовери, в которых слышались намеки на якобы готовившийся Мефодием переход Моравии под юрисдикцию константинопольского патриарха [7, с. 74–75, 85].

6 апреля 885 г. Мефодий умер в окружении своих единомышленников. Борьба его учеников с противниками славянского богослужения закончилась в 886 г. отменой славянской литургии в Моравии и Паннонии, а также изгнанием последователей солунских братьев из страны.

Несмотря на такой финал труд Константина и Мефодия в Великой Моравии можно оценить как успешный. Их усилиями не просто была создана новая азбука, впоследствии названная глаголицей, был сформирован славянский литературный язык, который отличался от разговорного языка. Литературный славянский язык первоначально воспринимался как язык церковных текстов, но вскоре стал использоваться для обслуживания других сфер общественной жизни, в частности распространился на область светского гражданского и семейного права.

Создав глаголицу, Константин и Мефодий заложили основу письменной культуры славян, которая со временем получила существенное развитие. Литературный язык славян был языком всей славянской средневековой науки и литературы вплоть до XVIII–XIX вв., когда стали формироваться новые литературные языки на национальной основе.

Благодаря изобретению новой письменности Константин и Мефодий смогли решить культурно-религиозную задачу, которая заключалась в переводе текстов

христианского богослужения, что было необходимо для создания фундамента национальной славянской церкви. Выполнение этой задачи, в свою очередь, содействовало реализации практической цели – способствовало усилению политической и культурной независимости славянских государств. Письменность на национальном языке почти сразу стала использоваться не только в богослужебной практике, но и в делопроизводстве, что является одним из признаков независимого государства.

Список литературы

1. Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси / Г. Г. Литаврин (отв. ред.). – М., 1988. – 268 с.
2. Pánek, J. Dějiny českých zemí / J. Pánek, O. Tůma. – Praha, 2008. – 487 s.
3. Житие Константина // Сказания о начале славянской письменности / Б. Н. Флоря. – СПб., 2004. – С. 135–178.
4. Житие Мефодия // Сказания о начале славянской письменности / Б. Н. Флоря. – СПб., 2004. – С. 179–195.
5. Сказание черноризца Храбра «О письменах» // Сказания о начале славянской письменности / Б. Н. Флоря. – СПб., 2004. – С. 196–201.
6. Мальшевский, И. И. Святые Кирилл и Мефодий / И. И. Мальшевский. – М., 2001. – 349 с.
7. Флоря, Б. Н. Сказания о начале славянской письменности / Б. Н. Флоря. – СПб., 2004. – 381 с.
8. Иванов, С. А. Византийское миссионерство. Можно ли из «варвара» сделать христианина? / С. А. Иванов. – М., 2003. – 375 с.
9. Уханова, Е. В. У истоков славянской письменности / Е. В. Уханова. – М., 1998. – 235 с.
10. Россейкинъ, Ѳ. М. Первое правление Фотія, патриарха Константинопольскаго / Ѳ. М. Россейкинъ. – Сергиевъ Посадъ, 1915. – 491 с.
11. Вашица, И. Кирилло-мефодиевские юридические памятники / И. Вашица // Вопросы славянского языкознания. – 1963. – № 7. – С. 12–33.
12. Темчин, С. Ю. Этапы становления славянской гимнографии (863 – около 1097 года) / С. Ю. Темчин // Славяноведение. – 2004. – № 2. – С. 18–55.

Аннотация

Статья посвящена изучению деятельности Кирилла и Мефодия в Великой Моравии. Характеризуется обстановка в моравском государстве накануне прибытия миссии из Византии, выделяются этапы миссии, а также оцениваются ее результаты для всего славянского мира. Перевод христианских текстов, обучение славян чтению и письму способствовали возникновению литературного языка и независимой церкви у славян.

Summary

The subject of the article is the activity of Cyril and Methodius in The Great Moravia. The situation in the Moravian state before the arrival of the Byzantine mission are distinguished, phases of the mission and the results for the Slavic world are evaluated. Translations of Christian texts from Greek, teaching people how to read and write, and also liturgies in the Slavonic language stimulated the appearance of the first Slavonic written language, the development of the literary Slavonic language and an independent church.